

П.А. Некрасов

Философия и логика науки

**О массовых проявлениях
человеческой деятельности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Некрасов**
Философия и логика науки: О массовых проявлениях человеческой деятельности / П.А. Некрасов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 143 с.

ISBN 978-5-517-96640-7

ISBN 978-5-517-96640-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ФИЛОСОФІЯ И ЛОГИКА НАУКИ О МАССОВЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле).

П. А. Нежрасова.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Математическаго Общества 24 сентября 1902 г.).

В В Е Д Е Н І Е.

Возможность, благодаря успѣхамъ теоріи вѣроятностей, усовершенствовать логику науки о массовой человѣческой дѣятельности. Позитивизмъ, какъ причина застоя этой науки, и необходимость вернуться къ идеализму Декарта, Паскаля и Лейбница. Необходимость причисленія теоріи вѣроятностей и опирающейся на нее логики къ основнымъ элементамъ гуманитарнаго образованія.

§ 1. Потрудившись много надъ чисто математическими вопросами по теоріи вѣроятностей, а именно—надъ новымъ ученіемъ о вѣроятностяхъ *среднихъ величинъ*, составляющимъ основу для раскрытія въ различныхъ родахъ массовыхъ случайныхъ явленій математической закономерности, я хочу теперь вернуться опять къ теоріи среднихъ величинъ, но съ другою цѣлюю.

По примѣру *Эссмилха*, *Бюффона*, *Кондорсе*, *Лапласа* и *Кетле*, я хочу взглянуть на теорію вѣроятностей съ ея дисциплинами, какъ на вѣтвь *логики* точныхъ индуктивныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ массовыми проявленіями политической, общественной и духовно-нравственной жизни людей, и предпо-

лагаю воспользоваться здѣсь успѣхами теоріи вѣроятностей, сдѣланными послѣ Кетле, для *усовершенствованія* этой логики въ соотвѣтствующих частяхъ. Такое усовершенствованіе сдѣлалось возможнымъ благодаря главнымъ образомъ знаменитому мемуару *П. Л. Чебышева*: «О среднихъ величинахъ».

Эта усовершенствованная логика вмѣстѣ съ философіей, на которую она опирается, проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на философскія категоріи *необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія и шлю*, устраняя ту спутанность, какая существовала во взглядахъ на свободу, свободную волю и пр., оцѣнивая напряженіе или степень вліянія числовымъ мѣриломъ, изучая стѣсненія и изоляторы, являющіеся спутниками свободы и независимости, и открывая математическую *закономѣрность* въ массовыхъ *независимыхъ* случайныхъ явленіяхъ *свободоуравновѣшеннаго* человѣческаго сообщества.

Эта *закономѣрность* не та, которая опирается на фаталистическое дѣйствіе закона причинности, а та, которая, не противорѣча причинности, опирается однако на свободу и нравственный законъ и которую *Зюссмильхъ* удачно назвалъ «божественнымъ порядкомъ». Эту *закономѣрность* можно назвать еще *свободною* (связанною съ независимостью).

Въ міровомъ порядкѣ существуетъ математическая регулярность *двухъ* родовъ: *фатальная* (связанная съ необходимостью) и *свободная*. Регулярность второго рода наукою о человѣкѣ до сихъ поръ не была правильно оцѣнена.

Въ изложеніи своемъ я буду держаться элементарной формы, дабы сдѣлать эту логику болѣе доступною образованнымъ лицамъ.

Выполняя эту задачу, я встрѣтился съ необходимостью критически отнестись къ предшествующимъ изслѣдованіямъ, касающимся примѣненія теоріи вѣроятностей къ индуктивнымъ наукамъ. Эта критика оказалась необходимою потому, что въ указанныхъ примѣненіяхъ теоріи вѣроятностей господствуютъ крупныя принципиальныя заблужденія.

Эти недоразумѣнія, глубоко проникшія въ соціологическій, статистическій и историческій методы, вытекли изъ слѣдующихъ

причинъ: 1) изъ двухъ важныхъ ошибочныхъ предпосылокъ превосходной въ остальныхъ отношеніяхъ логической схемы *Кетле*, которую онъ заимствовалъ у астрономовъ и распространилъ подъ именемъ *соціальной физики* на моральныя и политическія явленія, совершающіяся въ жизни человѣческихъ сообществъ, и 2) изъ дальнѣйшихъ и болѣе крупныхъ неправильностей, внесенныхъ въ схему Кетле его послѣдователями подъ влияніемъ логики *Стюарта Милля*.

Результатомъ этихъ недоразумѣній является въ наукѣ о массовой человѣческой дѣятельности съ одной стороны застой мысли, а съ другой произвольныя колебанія ея, выразившіяся въ различныхъ утопіяхъ, въ которыхъ основными законами общественной жизни полагаются то рабская зависимость личности отъ вѣшнихъ обстоятельствъ (либо отъ капитала, либо отъ социалистическаго государственнаго и общественнаго строя), то анархическое своеволие личности.

Необходимость выяснить и исправить эти недоразумѣнія осложняетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

§ 2. Чтобы лучше понять причину и источникъ этихъ недоразумѣній, попробуемъ разъяснить, при какихъ обстоятельствахъ они сложились.

Математики, физики, астрономы, естествоиспытатели вмѣстѣ съ философами и теологами создали въ логикѣ точныхъ наукъ особый отдѣлъ, связанный съ теоріей вѣроятностей и способный проливать свѣтъ на проявленія политической, общественной и духовно-нравственной дѣятельности самого человѣка. До Кетле эта логическая дисциплина вмѣстѣ съ ея приложеніями развивалась правильнымъ, успѣшнымъ путемъ. Паскаль, Фермать, Яковъ Бернулли, Джонъ Граунтъ, Лейбницъ, Эдмундъ Галлей, священникъ Зюссмильхъ, Даніилъ Бернулли, Бюффонъ, Кондорсе, Лангранжъ, Лапласъ, Коши, Фурье, много другихъ предшественниковъ и современниковъ Кетле и самъ Кетле успѣшно работали надъ усовершенствованіемъ съ одной стороны математическихъ дисциплинъ и въ томъ числѣ теоріи вѣроятностей, а съ другой надъ созданіемъ точной индуктивной науки о человѣческой дѣятельности, и помогли уллучшенію участи

человѣка содѣйствіемъ созданію гуманныхъ по цѣли общепользныхъ учреждений.

При этомъ до Кетле индуктивная наука о человѣкѣ, благодаря непорванной связи не только съ математикой, но и съ ея философіей, самыми крупными представителями которой были *Декартъ*, *Паскаль* и *Лейбницъ*, быстро переносила всякій успѣхъ теоріи вѣроятностей въ практику, находя ему надлежащее примѣненіе въ сферѣ человѣческой дѣятельности. Лейбницъ даль своею монадологіей возможность принимать во вниманіе въ числѣ силъ *психику* особей (монадъ) и расширять предѣлы точнаго знанія въ эту важнѣйшую сторону идеализма. Эта связь точной математической логики и ея философіи съ индуктивной наукой о человѣкѣ оживляла и двигала эту науку въ такой же мѣрѣ, какъ другіе отдѣлы точной индуктивной науки.

Такъ было до Кетле, а потомъ обстоятельства существенно измѣнились. Вскорѣ идеями Кетле заинтересовались обширные образованные классы, а въ особенности историки, статистики и юристы, какъ близко стоящіе къ проявленіямъ человѣческой дѣятельности.

Это любознаніе образованныхъ классовъ удовлетворялось однако не изъ первоисточниковъ, а въ болѣе популярномъ изложеніи. *Бокъ* посредствомъ своей знаменитой «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» познакомилъ съ идеями Кетле историковъ, а Берлинскій профессоръ *Адольфъ Вагнеръ* посвятилъ въ эти идеи статистиковъ и юристовъ. Къ несчастію, эти талантливые популяризаторы и ихъ многочисленные послѣдователи, мало знакомые съ подходящими къ дѣлу философіей и логикою (какими были философія Декарта, Паскаля и Лейбница и теорія вѣроятностей), увлеклись позитивною логикою съ ея философіей.

Эта послѣдняя логика—по преимуществу діалектико-эмпирическая, созданная лицами, не владѣвшими математическимъ умозрѣніемъ и избѣгавшими его. Она чрезмѣрно налегала на эмпирическую сторону, не умѣя облечь свои сырые фактическіе матеріалы въ точную форму, а при попыткахъ объединенія часто отвергала самыя главныя силы и возводила въ роль главныхъ факторовъ условія внѣшняго сходства и второстепенныя обстоятельства.

Чтобы увидеть ту пропасть, которая послѣ такого разрыва стала отдѣлять прежнее направленіе индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности отъ новаго, достаточно сказать, что ранѣе *Стюарта Милля* позитивизмъ не пользовался теоріей вѣроятностей и въ лицѣ *Огюста Конта* возставалъ противъ подобныхъ математическихъ дисциплинъ, а затѣмъ и Милль сначала совсѣмъ исключилъ теорію вѣроятностей изъ своей «Системы логики», причисливъ ее къ заблужденіямъ, и лишь потомъ (въ позднѣйшемъ изданіи) допустилъ ея обрывки, а его послѣдователи пошли далѣе, воспользовавшись трудами Кетле. Но это, конечно, не могло поправить сущности дѣла вслѣдствіе глубочайшей философской разности прежняго и новаго направленія.

Съ своей философской точки зрѣнія Стюартъ Милль и его предшественники были болѣе правы тогда, когда они вовсе исключали изъ своей системы философіи и логики теорію вѣроятностей, такъ какъ эта послѣдняя дисциплина нужна была не для позитивизма, а для философскаго идеализма, воодушевлявшаго Паскаля, Лейбница, Бюффона, Зюссмильха, Кондорсе, Лапласа, Кетле и другихъ. Этимъ идеалистамъ теорія вѣроятностей открывала вѣрный путь включить въ кругъ точной индуктивной науки понятія, относящіяся къ философскимъ категоріямъ *причины, вліянія, свободы, необходимости и цѣли*, съ которыми неразрывно связано существо человѣка. При разсмотрѣніи этихъ великихъ философскихъ категорій названные идеалисты, имѣя математическое мѣрило, затрогивали и нѣкоторыя предѣльные понятія, относящіяся одновременно къ области философіи и религіи и не получаемыя посредствомъ эмпирическихъ критеріевъ. Позитивизмъ же, исключивъ разъ навсегда изъ своей области эти метафизическія понятія, кромѣ категорій причины и необходимости, и понявъ законъ достаточныхъ основаній Лейбница или, иначе, законъ причинности Лапласа не какъ форму познания, совмѣстимую со *свободною волею*, а какъ фатализмъ, нисколько не нуждался въ такой дисциплинѣ, какъ теорія вѣроятностей *).

*) Въ этомъ отношеніи болѣе послѣдовательно *Спенсеровское* направленіе позитивизма, которое и до сихъ поръ игнорируетъ теорію вѣроятностей.

Въ результатѣ этого разрыва связи индуктивной науки о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности съ прежнимъ идеалистическимъ направлениемъ произошло слѣдующее. Теорія вѣроятностей и тѣ ея апіорныя схемы, которыя могли бы послужить съ пользою для успѣховъ точной индуктивной науки о человѣкѣ, сдѣлали послѣ Кетле дальнѣйшіе крупные шаги; но эти результаты, извѣстные лишь ограниченному кругу математиковъ, около полустолѣтія почти не получаютъ примѣненія въ наукѣ о человѣкѣ. Въ то же самое время въ наукѣ о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности и въ ея примѣненіяхъ къ жизни производится обширная и энергичная работа-ломка, полная горячаго увлеченія, но не только не всегда производительная, а подчасъ прямо даже вредная, какъ опирающаяся на ошибочныя предпосылки и ведущая къ утопіямъ. Въ этой кипучей работѣ послышки соціальной физики Кетле приняты безъ надлежащей критики, такъ что ни одной существенной ошибки въ воззрѣніяхъ Кетле не было исправлено; всѣ эти воззрѣнія даже ломались съ другою цѣлію: они облекались въ позитивную окраску, съ которою Кетле, ученикъ Лапласа и сторонникъ философскаго идеализма, не имѣлъ ничего общаго; на выводы наклеивались позитивистскіе ярлыки; подысканъ для Кетле предшественникъ въ лицѣ *Огюста Конта*, не смотря на то, что «соціальная физика» Кетле и соціологія Конта исходили изъ существенно различныхъ философскихъ и логическихъ основъ. Въ такомъ противоестественномъ сочетаніи наука о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности распространилась въ широкихъ образованныхъ кругахъ историковъ и юристовъ и привела болѣе довѣрчивыхъ къ увлеченіямъ утопіями, а болѣе скептическихъ къ чувству разочарованія вслѣдствіе явныхъ практическихъ неудачъ и научнаго застоя.

Недавно, подводя вполне сочувственные позитивной наукѣ объ обществѣ итоги ея результатовъ, *Н. Рейхсбертъ*, послѣ-

стей и „соціальную физику“ Кетле, вывода свою соціологію изъ эволюціоннаго принципа.

дователь Кетле и убежденный позитивист *), изобразилъ въ сущности ея вѣстой. Ранѣе профессоръ Янсонъ, также убежденный позитивистъ, высказалъ **) слѣдующую вѣрную мысль: «Послѣ Кетле творческая дѣятельность въ области статистики, можно сказать, остановилась. Въмѣсто разрѣшенія разныхъ отвлеченныхъ вопросовъ о сущности, предметѣ и методѣ статистики, ученые принялись за разработку ежедневно накопляющагося и огромнаго статистическаго матеріала. Эта разработка сосредоточилась на частныхъ, специальныхъ вопросахъ, выдвигаемыхъ вновь появляющимися наблюденіями надъ явленіями общественными, разработка кропотливая, мало благодарная». Вся тяжелая работа эта сводится къ накопленію и классификаціи фактическаго матеріала для «величественнаго архитектурнаго зданія науки объ обществѣ»; но плана этого зданія никто не знаетъ. «Скоро-ли—говоритъ проф. Янсонъ—завершится работа, скоро-ли явится тотъ гениальный умъ, который будетъ въ состояніи объять однимъ взглядомъ всю массу фактовъ, изслѣдованій и выводовъ—не наше дѣло». Такимъ образомъ, интереснѣйшая изъ индуктивныхъ наукъ закопала себя въ сыромъ эмпирическомъ матеріалѣ, собираемомъ по не всегда пригодной схемѣ и истолковываемомъ на основаніи неподходящихъ логическихъ и философскихъ основъ, и зашла въ такія непроходимыя дебри, изъ которыхъ ея представители уже не видятъ выхода безъ появленія новаго гениальнаго ума.

Но чтобы вывести индуктивную науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности изъ ея настоящаго ненормальнаго состоянія, необходимо прежде всего вернуться къ *старымъ* гениальнымъ умамъ и направить эту науку по намѣченнымъ ими вѣрнымъ тропамъ, а затѣмъ уже расчищать для нея по этимъ слѣдамъ болѣе широкій путь. Это значитъ, что въ философскихъ основаніяхъ своихъ наука о человѣкѣ должна, отказавшись навсегда

*) Н. Рейхесбергъ: „Статистика и наука объ обществѣ“. Переводъ съ нѣмецкаго А. Струве. Спб. 1898.

**) Янсонъ: „Теорія статистики“, стр. 32. Спб. 1891.

отъ узкости позитивизма*), вернуться къ идеализму Кетле и его

*) Въ критикѣ позитивизма нѣтъ уже никакой необходимости, такъ какъ она выполнена всесторонне. Въ русской литературѣ можно указать на замѣчательную диссертацию *Владимира Соловьева*: „Кризисъ западной философіи“ (Спб. 1874). Профессоръ *В. Я. Цингеръ* въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ, раскрылъ неудовлетворительныя стороны позитивизма съ точки зрѣнія логики математики, показавъ, между прочимъ, на нѣсколькихъ примѣрахъ, что разсужденія въ „Системѣ логики“ Стюарта Милля часто оказываются такою игрою словъ, изъ которой, смотря по обстоятельствамъ, можно вывести и ложь и истину. Одинъ изъ такихъ примѣровъ приведенъ *П. В. Преображенскимъ* въ статьѣ: „По поводу брошюры о приемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ“ (Труды Отдѣленія Физическихъ Наукъ Императ. Общества Любителей Естествознанія, т. IV. Москва, 1891). Бывшій Дерптскій профессоръ *А. Ф. Эттингеръ* (теологъ) въ сочиненіи: „Moralstatistik und die christliche Sittenlehre“ указываетъ на злоупотребленія въ статистикѣ, имѣющія источникомъ позитивистское увлеченіе большимъ числомъ, какъ единственнымъ условіемъ примѣненія статистическаго метода. Ниже мы увидимъ, что даже *эмпирическіе законы* позитивизма часто оказываются призрачными.

Въ Германіи, этой странѣ философовъ, позитивизмъ встрѣчаетъ въ огромномъ большинствѣ одѣнку настолько отрицательную, что объ немъ въ философскихъ обзорѣніяхъ можно встрѣтить презрительныя отзывы, а чаще онъ игнорируется также, какъ и родственная ему схоластика.

Если здѣсь приходится вновь обращать вниманіе на позитивизмъ, превратившійся на почвѣ политической экономіи и исторіи въ особый социологическій материализмъ или фатализмъ, то по практическимъ соображеніямъ, такъ какъ нашу русскую литературу по политической экономіи и статистикѣ и наши статистическія учрежденія переполняютъ послѣдователи *Адольфа Вагнера*, который передѣлалъ статистику Кетле на позитивный ладъ. *А. Вагнеръ* говоритъ: „Въ общемъ изложеніи теорій, до терминологіи включительно, я по возможности тѣсно примыкаю къ взглядамъ *Дж. Ст. Милля*, изложеннымъ въ его „Системѣ дедуктивной и индуктивной логики“, произведеніи, которому я со столькими другими многими обязанъ и которое, какъ бы ни презирали его наши философы, оказало неоцѣнимыя услуги методологіи наукъ естественныхъ и психологіи, какъ наукъ эмпирическихъ“ (См. „Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе“; переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями проф. *Ясона*, Спб. 1879, стр. 126). Это преклоненіе предъ логикою Стюарта Милля перешло къ русскимъ послѣдователямъ *А. Вагнера*.

• вышеуказанных предшественников, выразившемуся полнѣе всего въ философіи Декарта, Паскаля и Лейбница, и вмѣстѣ съ тѣмъ

Нужно очень осмотрительно относиться къ характеристикамъ взглядовъ Лапласа и Кетле, прошедшихъ чрезъ цензуру позитивистовъ, которая выполнялась ими съ большимъ увлеченіемъ. При первомъ знакомствѣ съ трудами статистиковъ позитивной школы знающій взгляды Лапласа и Кетле изъ первоисточниковъ (эти взгляды опирались, какъ сказано, на идеалистическую философію) бываетъ очень пораженъ тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые тексты, поставленные даже въ кавычкахъ и приписанные Лапласу и Кетле, передѣланы въ изложеніи позитивистовъ и отступаютъ отъ подлинника въ существенныхъ частяхъ, такъ что авторитетами этихъ именъ подрѣплены не подлинныя ихъ мысли, а передѣланныя на позитивный ладъ. Такъ, въ книгѣ проф. *Нисона* „Теорія статистики“ (Спб., 1891) на стр. 28 находимъ текстъ (въ переводѣ), приписанный Кетле, но не сходящійся по своему содержанію съ подлинникомъ. По подобнымъ передѣлкамъ читатель можетъ подумать, что Лапласъ былъ отрицатель духа и Кетле ярый позитивистъ, не допускавшій воли Творца въ явленіяхъ своей соціальной физики. *Передѣланный* Кетле объединяется съ *Контомъ* и противопоставляется священнику *Зюссмильгу*, отцу численной статистики, автору „Божественнаго порядка“. Между тѣмъ Кетле и Зюссмильхъ вполне однородны по философскимъ взглядамъ; напротивъ, по философскому мировоззрѣнію нужно противопоставлять другъ другу Кетле и Конта. Все это создало ходячее ошибочное мнѣніе, что д'Аламберъ, Кондорсе, Лагранжъ и Лапласъ были предтечами позитивизма. Это вѣрно развѣ лишь въ смыслѣ упадка точной логики и точной индуктивной науки, которая такъ высоко поднята была этими великими французскими математиками и пошла потомъ на убыль у Конта и его послѣдователей.

Не надо забывать, что по самому происхожденію своему позитивизмъ есть чистѣйшій компромиссъ, покровительствуемый англійскими теологами, которые этимъ путемъ (съ чисто англійскою практичностью) разграничили области религіи и науки. Контъ и англійскіе позитивисты этимъ способомъ хотѣли разъ навсегда отдѣлать науку, основанную на наблюденіи фактовъ, отъ политическаго искусства, религіи и революціонныхъ идей. Туманную „эволюцію“ они понимаютъ мистически, покрывая ею весь идеализмъ религіи и метафизики, оставленный за чертою области позитивной науки. Эта практическая тенденція раздѣленія двухъ областей, живущихъ въ душѣ чловѣка нераздѣльно, не только не логична, но и не достигла своихъ цѣлей, такъ какъ самъ позитивизмъ не воздержался отъ вмѣшательства въ политику и религію.

Нужно отдать полную справедливость лексическому богатству въ сочиненіяхъ позитивистовъ; но эта діалектическая сторона способна вводить

должна всецѣло обратиться къ той логической дисциплинѣ, которую создали предшественники Кетле подъ именемъ теоріи вѣроятностей, предназначивъ ее главнымъ образомъ для построения точной логики индуктивной науки о массовыхъ проявленіяхъ моральной, общественной и политической дѣятельности человѣчества.

Такое возвращеніе на прежній путь вмѣстѣ съ расширеніемъ этого пути, которое возможно благодаря новымъ успѣхамъ теоріи вѣроятностей, будетъ имѣть результатомъ своимъ болѣе успѣшное научное рѣшеніе многихъ практическихъ проблемъ о человѣкѣ, связанныхъ съ изученіемъ наглядныхъ, доступныхъ наблюденію массовыхъ проявленій, кои совершаются въ великой ретортѣ историческихъ и политическихъ судебъ человѣчества. Этотъ опирающійся на широкій идеализмъ успѣхъ индуктивной науки о человѣкѣ будетъ, безъ сомнѣнія, столь же великъ, какъ успѣхъ физики. Послѣдняя сдѣлала величайшіе шаги, опираясь не на позитивную логику съ ея философіей, а на точную, которая позволяетъ широко пользоваться неизвѣданными по ихъ сущности понятіями о «невѣсомыхъ средахъ», «векторахъ», «волнахъ», «лучахъ» и пр.,—понятіями, въ которыхъ таинственно все, кромѣ совершенно опредѣленной (точной) количественной и пространственной формы и возможности схватить органами чувствъ нѣкоторыя послѣдствія дѣятельности этихъ непонятныхъ причинъ.

Но при изученіи проявленій человѣческой дѣятельности наука неизбѣжно сталкивается съ религіей, какъ силой, могущественно вліяющей на судьбы человѣка. Здѣсь-то и происходитъ борьба между позитивною наукой и религіей. А старый Декар-

въ различныя недоразумѣнія при употребленіи аналогичныхъ терминовъ авторами, не принадлежащими къ послѣдователямъ позитивизма. Ниже мы, на примѣръ, вынуждены брать удобный терминъ: дедуктивно-индуктивный методъ; но дедукцію мы понимаемъ не въ Баконовско-Миллевскомъ, а въ Декартовскомъ смыслѣ. Точно также слова: біологическій, социологическій и т. п. мы понимаемъ не въ позитивистскомъ смыслѣ, а такъ, какъ поняли бы этотъ лексическій матеріалъ Лейбницъ и Бюффонъ, если бы эти термины существовали въ ихъ время.